

Дорогие друзья! К 75-летию со дня рождения моего брата, поэта Георгия Николаевича Кольцова, рад сообщить о том, что память о нём останется у людей, равнодушных к настоящей поэзии, не только на просторах нашей необъятной страны, но и за рубежом. Так, в этом году в г. Москве выходит очередная книга брата «Неизбывная сила родства», будут опубликованы стихи не только в российских журналах и альманахах, но и в № 10 альманаха «Связь времён» Сан-Хосе Калифорния США, журналах «Эрфольг» Германия, «Новый Свет» Торонто, Канада, «Жемчужина» Австралия, и альманахе «Новый Континент» Чикаго, США. Мне как брату особенно приятно, что его не забывают и в Подмосковье, на Каширской земле, где он после окончания Литературного института им. Горького с 1976 по 1985 гг., вплоть до безвременной кончины работал и руководил ЛИТО при газете «Огни Коммунизма», ныне «Каширские Известия». В годы руководства городским литобъединением брат воспитал целую плеяду поэтов-единомышленников, успешно повышавших уровень своего мастерства. С 2017 года литературный конкурс «Звёздное перо» носит имя Георгия Кольцова. В прошлом году на доме, где жил и работал мой брат, была открыта памятная мемориальная доска.

Александр Кольцов

У могилы неизвестного солдата

Послевоенная весна

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.

Скребла полы
И клеила калоши,
Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подростших,
Любивших плакать,
Петь
И рисовать.

Ты помнишь?
Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор.

Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

Там писарь длинношей,
Словно аист,
Мне говорил, письмо держа:
«Пляши!»...
Давным-давно уже позатерялись,

Не исписавшись,
Те карандаши.
А если так,
То пусть простят эпоха
И мать, что одинёшенька в дому,
Что из меня не вышло
Ни Ван-Гога,
Ни даже подражателя ему...

На марше,
 В карауле,
 На привале,
 Когда почти беспомощны слова,
 Не красноречьем слова
 Дружбу мы сверяли,
 А степенью солдатского родства.

И в степень превосходную
 К России
 Мог возвести я преданность свою,
 Когда вдоль строя знамя пронесли,
 Пробитое осколками в бою.

Учебные стрельбы

Поднимая пылицу,	Незаметно в округе
Подминая волну,	Стихли сразу ручьи.
Танки брода не ищут,	Разлетелись в испуге
А проходят по дну.	Воробьи и грачи.

По стерне опалённой,	Но бесстрашно под траки
Суховат и сутул,	Танка падал ковыль
Танк ревел разъярённой,	И в неравной атаке
Чем в распадке шатун.	Погибал рядовым...

Песня о погибшем шофёре

Никогда не забуду я этот
 Поворот и дождливый июль.
 Вросший в холмик, застыл у кювета
 Изолентой обмотанный руль.

А вдоль разбитого стекла
 Дорога к дому пролегла.
 Всем радость встреч она сулила,
 А вот его не сберегла.

Мне б над этим рулём наклониться
 И нажать на сигнал тяжело.
 Но, наверное, всё-таки птице
 На лету не подрежешь крыло.

Как хочешь это назови.
 Азарт и риск у нас в крови.

Ты здесь нажми на тормоз, милый,
И хоть на миг останови...

То, что может случиться дорогой,
Предсказать не сумеют врачи.
Ведь не зря же писал ещё Гоголь,
Что живут на Руси лихачи.

А вдоль разбитого стекла
Дорога в небо пролегла.
Таких, как он,
Она любила,
И всё ж однажды подвела.

Но такой же упрямый и низкий,
Лишь немножко поуже в плечах,
Подрастёт без шофёра сынишка
И положит ладонь на рычаг.

Ему всего семнадцать лет,
И бьёт в лицо задорный свет.
Центростремительная сила
Его не выбросит в кювет.
Я знаю, никакая сила
Его не выбросит в кювет.

У могилы неизвестного солдата

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы — пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, —

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

* * *

В. Комину

Земляк в декабре прилетел из Иркутска.
И сразу — как с улицы пар —
обволок
Застолье с нехитрой московской закуской
Такой самобытный родной говорок.

А друг, до расспросов с дороги охочий,
Шагал возбуждённый от двери к окну...
Дочурку свою по-чалдоньи звал дочей,
Зародом — скирду иль соломы копну.

Своей Родионовной —
жизнью учёный,
Газетчиком стал от ногтей до волос.
И всё же: «О доме скучаешь, ли чё ли?» —
Сибирское «чё» с языка сорвалось.

Для нас с ним задорная удаль «Подгорной»,
А также и кровные узы родства,
И кедра вершина, и родины корни —
Все в слове вместились одним:
«Родова».

Ночь была крылом по окошку вороньим,
А я, захмелев,
земляку подпевал
Припев, ставший нашим надёжным паролем:
«Э-эй, баргузин, пошевеливай вал...».

* * *

Вечно по-мальчишески задирист	Стали испытанием на зрелость
Посвист паровозного гудка...	Дни, когда под носом у врага,
В грозный час разрухи зародились	Отходя с боями, рвали рельсы
Железнодорожные войска.	Железнодорожные войска.

Переплавив стоны, кровь и порох
В ярость рукопашного броска,
Иногда шли впереди саперов
Железнодорожные войска.

Полотно щебёнкой засыпали
Так же, как могилу земляка,
Крепкие, надёжные, как шпалы,
Железнодорожные войска.

Нынче вновь работой в стужу грейся —
Передышка, братцы, коротка!
Сквозь тайгу прокладывают рельсы
Железнодорожные войска.

Буквами, как солнце, золотыми
В летопись не вписаны пока
Те, расквартированные в Тынде,
Железнодорожные войска.

Солдатский отпуск

Строй, следящий за знаменем красным,
От волненья качнулся слегка.
По итогам проверки
Приказ нам
Был зачитан начштабом полка.

Как впотьмах, если б чиркнули спичку,
Вспыхнет радость шальным огоньком —
Кто-то вечером новую лычку
Пришпандорит на старый погон.

Облетая, листва золотая
Плац прикроет бесшумной кошмой...
Долетают слова:
— Предоставить
Отпуск с выездом...
(Братцы, домой!)

Ущипните меня ради бога —
Неужель это всё — не во сне?!
Десять дней,
не считая дороги,
По такой необъятной стране!

От Читы поезжай хоть до Бреста,
С мягкой полки плацкартной не слась.
Не загадывай, ждёт ли невеста,
Точно зная,
что мать заждалась...

Под ремнём гимнастёрку расправив,
Ребятне козырну на ходу.
И к рассветной сверну переправе.
И на берег заветный сойду.

Даже не топорщилась обнова
Тепленькая, из-под утюга.
Уж теперь Настюха Рудакова
На меня не глянет свысока.

И в плечах я стал как будто шире...
Хлястик есть

и внутренний карман!..

Если бы мне только разрешили,
Я б пальто и в классе не снимал.

Но испортил мне немало крови
Витька Редькин из 6-го «Б»:
«Как седло примерно на корове,
Выглядит тужурка на тебе».

И хоть был я вспыльчив и задирист,
Всё ж стерпел обидные слова:
У пальтишки,
сшитого на вырост,
Велики для драки рукава.

Причал

Показался за мысом
Дощатый причал.
— Здравствуй! — крикнуть хотелось,
Но я промолчал.

Переплавешь ли чувства
В скуные слова?
И к лицу ли, как в детстве,
Кричать в тридцать два?

Рябь студёной волны.
И по коже — мороз!
В горле вдруг запершит
От непрошенных слёз.

Ветер, славя простор,
Над рекою крепчал...

От тебя расходились дороги,
Причал!

И скрипел твой настил,
Как солдатский ремень.
Ты всегда по-мужски
Чувства прятать умел.

Провожая людей,
Крепче в берег вралстал.
Так не каждый из нас
Верен отчим местам.

Ты распутывал здесь
Узел встреч и разлук...
Вот и дым над избой,
Как спасательный круг.

Деревня

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.

* * *

Звёзды в клочьях тумана
Догорают дотла.
Остроугою трёхгранной
Выплывает скала.

Чьё-то робкое эхо
Растворилось в лесу.
Лодки —
Днищами кверху —
На зелёном мысу.

Облака, как таймени,
Розовеют вдали,
Но скала
Ловит тенью
Отраженье зари.

По воде,
Как от рыбы,
Разбежались круги.
Рыбаки!
Помогли бы
Снять зарю
С остроги.

* * *

Деревня.
Пашня вдоль обочины...
От дома отчего вдали
Я ощущал не одиночество,
А притяжение земли —

На вид суровой,
Да отходчивой,
С рассветом влажной от росы.
Она — в пяти часах восточнее
Степной российской полосы.

Где третьи петухи горластые
Меня будили на заре.
И я летел лицо споласкивать
По тропке узкой к Ангаре.

Река гремела перекатами.
К ней подступив издалека,
Стояли сосны,
Как сохатые,
Не обломавшие рога.